

Л.И. Цедилин

*к.э.н., ведущий научный сотрудник Института экономики РАН
(Москва)*

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ПОНИМАНИЕ И ОБОСНОВАНИЕ В СООТВЕТСТВИИ С НОВЫМИ РЕАЛИЯМИ

Аннотация. В статье исследуются различные точки зрения, касающиеся проблематики экономического суверенитета. Рассматривается проблема определения носителя (субъекта) экономического суверенитета. Анализируются теоретические основы подходов к пониманию экономического суверенитета с позиций различных теоретических школ и направлений. Рассматриваются изменения в трактовках государственного экономического суверенитета России и наднационального суверенитета ЕС. Констатируется политическая предопределённость происходящих ныне процессов суверенизации во внешнеэкономической политике России и ЕС.

Ключевые слова: *экономический суверенитет, внешнеэкономическая политика, стратегическая независимость, экономическая безопасность, протекционизм, стратегическая автономия, технологический суверенитет.*

JEL: B41, F52, F53, F63

УДК: 339.5, 339.9

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_19_29

© Л.И. Цедилин, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Цедилин Л.И.* Экономический суверенитет: понимание и обоснование в соответствии с новыми реалиями // Вопросы теоретической экономики. 2024. №2. С. 19–29. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_19_29.

FOR CITATION: *Tsedilin L.* Economic Sovereignty: Understanding and Justification in Accordance with New Realities // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 2. Pp. 19–29. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_19_29.

В настоящее время обеспечение суверенитета — политического, экономического, технологического, военного — становится основным содержанием и ключевым элементом современной российской политики как внешней, так и внутренней. Между тем соответствующая проблематика, т.е. практические и нормативные аспекты обеспечения суверенитета во всех его проявлениях, нуждается в дальнейшем теоретическом осмыслении и проработке в соответствии с новыми реалиями, особенно ярко проявившимися в XXI в. Многие вопросы, связанные с данной проблематикой, в том числе с содержанием и интерпретацией используемого понятийного аппарата, по-прежнему остаются, на мой взгляд, дискуссионными.

Понятие экономического суверенитета. Проблема субъектности

Суверенитет — от французского *souverain*, что переводится как государь, монарх, носитель верховной власти, т.е. предполагает наличие у обладателя суверенитета неких верховных прав. Считается, что первым предложил сам термин и сформулировал его содержание Жан Боден (1530-1596) — французский юрист и политический деятель.

В соответствии с предложенной им концепцией суверенитет определяется как «абсолютная и постоянная власть» государства над подданными и гражданами, которая ограничивается только божественным и естественным правом [Bodin, 1986]. Таким образом, изначально этим термином описывалась верховная власть суверена в отношениях со своими подданными. Понятие суверенитета, ставшее значительно более релевантным в современном контексте как полная независимость государства от других государств в его внутренних делах и внешних сношениях, внедрилось в оборот, очевидно, позднее. Здесь же важно отметить, что носителем верховного права в представленном определении выступает государственная власть.

Суверенитет экономический (ЭС) трактуется в большинстве случаев как проявление суверенитета государственного, однако при этом сразу же приходится сталкиваться с вопросом о носителе, самом субъекте этого вида суверенитета. Если в адресной строке набрать по-русски «экономический суверенитет», то сразу предлагается определение из учебного пособия Высшей школы экономики 1996 г., в котором государство в качестве субъекта ЭС даже не упоминается: «Суверенитет экономический — степень автономности воспроизводства субъекта (индивида, общности), определяемая границами свободы принятия хозяйственных решений и присвоения результатов их реализации» [Гребнев, 1996. С. 24]. Следует отметить, однако, что в большинстве встречающихся в специальной литературе определений субъектом ЭС, как и в случае, например, с политическим суверенитетом, считается государство. ЭС трактуется как государственный практически во всех российских публикациях по данной теме.

Но всё же проблема определения субъекта ЭС присутствует. Видимо, она возникает в связи с тем, что, если в международной политике и в области международного права в качестве их акторов (субъектов) выступают государства или межгосударственные юрисдикции, то в системе международных экономических отношений, например во внешней торговле, основными субъектами являются фирмы (компании). На них ложится ответственность за исполнение принятых обязательств, за последствия предпринятых ими разного рода рискованных операций. Государство, безусловно, может делить ответственность с компанией, например, предоставляя ей государственные гарантии и другие виды обеспечения по выполнению взятых обязательств, компенсаций, принятия на себя части рисков и т.д. Но всё же первым ответчиком в юридических отношениях с партнёрами остаётся компания. В настоящее время проблема субъектности в экономических отношениях представляется самоочевидной. Она обострилась и в результате проводимой активной санкционной политики: государство как носитель суверенитета, в том числе и ЭС, вводит санкции против компаний другого государства, также являющегося суверенным. Тем не менее при этом потери от разрыва экономических связей ложатся на конкретное юридическое лицо, собственно и являющееся субъектом экономических отношений.

Особенности современной трактовки ЭС

Реализация государством своего суверенитета в экономической сфере не может не порождать коллизий и даже конфликтов между субъектами экономических отношений разных уровней — этого мнения придерживается большинство авторов. Российские исследователи О.Ю. Болдырев и Л.Т. Чихладзе, специализирующиеся на проблематике ЭС, отмечают, что из всех видов государственного суверенитета именно ЭС в настоящее время в наибольшей степени подвергается «эрозии», Это вызвано прежде всего процессами глобализации в мировой экономике, усложнением мирохозяйственных связей, с необходимостью создания и поддержания трансграничных производственных цепочек, позволяющих выдержать экономическую конкуренцию [Болдырев, Чихладзе, 2022, С. 110–122].

Глобализационные процессы считает источником вызовов для традиционной концепции ЭС и такой признанный авторитет по проблематике государственного суверенитета, как Жак Сапир (французский экономист, научный сотрудник высшей школы социальных наук, директор Центра исследований индустриализации CEMI-EHESS) [Сапир, 2020]. Как яркий представитель институционализма он подчёркивает важность суверенитета государства вообще и в сфере экономики в частности, не отрицая при этом возможностей возникновения здесь разного рода конфликтов. Ж. Сапир различает три группы конфликтов, возникающих, главным образом, на почве отмеченной выше проблемы субъектности. Они могут возникать:

- ▶ между фирмами и государствами;
- ▶ между группами фирм и группами государств;
- ▶ между группами, входящими в состав населения.

Особо сложными с правовой точки зрения он считает конфликты, порождаемые экономической деятельностью транснациональных корпораций в силу возникновения коллизий между внутренним и международным правом. Поскольку «то, что решается во “внутреннем” праве (воля народа выше воли составляющих его групп), в случае ТНК оказывается защищённым отдельными нормами международного права» [Сапир, 2020. С. 10].

Цитируемая здесь работа Ж. Сапира — многостороннее, комплексное, хотя и небольшое по объёму исследование, затрагивающее вместе с тем едва ли не все основные аспекты проблемы. В контексте проблемы субъектности ЭС и подходов к её решению весьма содержательными представляются поднимаемые Сапиром вопросы делегирования суверенитета и реализации национального суверенитета в системе многосторонних отношений. Однако рассмотрение данной проблемы с позиций институционализма, на мой взгляд, придаёт упомянутым понятиям смысл, не позволяющий получить ясный ответ на один важный вопрос, а именно: должно ли государство, может ли, и если может, то в какой мере поступиться своим суверенитетом в случае членства в международной экономической организации или присоединения к экономическому союзу государств. В то же время Сапир достаточно определённо констатирует, что создание и функционирование организации всемирной торговли — сначала ГАТТ, а затем ВТО — «несёт в себе радикальный вызов суверенитету (очевидно, имеется в виду государственному суверенитету в сфере экономики — Л.Ц.), но вместе с тем порождает новое понимание необходимости этого суверенитета» [Сапир, 2020. С. 6].

Если с позиций институционализма концепция экономического суверенитета воспринимается как теоретически обоснованная, то в теории неоклассического мейнстрима ей отказывают в нормативной легитимности. Как отмечает Ж. Сапир, экономисты-неоклассики рассматривают экономический суверенитет (государства — Л.Ц.) как фактор вмешательства в оптимизационный процесс, считают концепцию ЭС бессмысленной и устаревшей [Сапир, 2020. С. 5]. Следует также указать на определённые противоречия между акцентированием темы свободы выбора, поощрения свободы конкуренции в классическом и неоклассическом мейнстриме, с одной стороны, и опорой на собственные силы и возможности развития, которые предопределяют сущность концепции ЭС, — с другой. ЭС в либеральной парадигме — суть уклонение от внешней конкуренции в глобальном контексте и элиминирование состязательности на национальном уровне. Таким образом, и без разбора конкретных высказываний представителей мейнстрима по затрагиваемой теме определённо можно согласиться с тем, что «в неоклассической экономической теории проблема национального экономического суверенитета и национальных интересов находится за скобками предмета исследования» [Пороховский, 2023. С.10].

Однако концепция ЭС вполне может рассматриваться как обоснованная — нормативно и методологически — с позиций протекционизма как антагонистического по отношению к фритредёрству учения. Как и протекционизм ЭС определённо призван обеспечить защиту национальных интересов в сфере внешнеэкономических отношений.

Протекционизм как научная доктрина был обоснован, востребован и пропагандировался прежде всего представителями немецкой исторической школы, труды которых отличает акцент на национальном экономическом развитии. Наиболее известный в наше время основатель школы, Фридрих Лист (1789–1846), предложил комплексную и, как подтвердила практика, довольно действенную систему мер в области экономической политики для стран, находящихся на стадии догоняющего развития, и предполагающую использование прежде всего протекционистских инструментов и методов. К ним относятся, в первую очередь, различные виды пошлин. Сам Лист ввёл в оборот для некоторых из них специфические определения, указывающие на их назначение. Он, например, предлагал введение «воспитательных» пошлин. Так называемые «покровительственные» пошлины должны, по мнению Листа, сохраняться до тех пор, пока «молодая промышленность» страны не станет конкурентоспособной и в международной торговле.

Понятно, что Ф.Лист не был адептом свободы международной торговли, и его основной труд «Национальная система политической экономии» [Лист, 2005] сразу после выхода в свет в 1841 г. вызвал полемику из-за критики автором идей классической теории А. Смита — Д. Риккардо. Глубокое теоретизирование для Листа, впрочем, не было характерно: вопросы теории затрагивались им для обоснования чисто прагматических соображений. К тому же в его концепции не было предпосылок для количественного анализа. Он не предоставляет каких-либо оснований для того, например, чтобы определить, когда на смену иностранной является внутренняя конкуренция, не говоря уже об установлении количественных границ для пошлин того или иного вида [Цедилин, 2014]. Тем не менее идеи Листа были востребованы и реализованы на практике (спустя, однако, полвека после смерти их автора) в царской России. С.Ю. Витте, последовательно занимавший в конце XIX — начале XX вв. посты министра путей сообщения, министра финансов и председателя Кабинета министров, усмотрел в главном произведении Листа «искомую основу также и российской национальной экономической доктрины» [Цвайнерт, 2007. С. 288].

В современной экономической литературе, как и в XIX в., протекционизм рассматривается прежде всего как экономико-политическая система, направленная на ограничение конкуренции ради создания особых условий для отечественных секторов экономики и отраслей производства. Однако к настоящему времени возобладали представления относительно чрезмерности потерь и издержек, связанных с уклонением от конкуренции. В свою очередь, приобретения, т.е. позитивный эффект, от такой политики далеко не очевиден, если не сказать, сомнителен [Цедилин, 2013. С.38]. Экономическая теория нашего времени допускает оправдание протекционизма как ответной меры на субсидирование экспортных отраслей иностранными правительствами (например, при проведении этими правительствами промышленной политики, связанной с поощрением экспортной экспансии). Однако подобные ответные меры несут с собой риски стимулирования рентоориентированного поведения. Последствия при этом просчитать бывает достаточно трудно [Boudreaux, 2011]. Современные концепции и подходы, допускающие протекционистские меры лишь как ответ на недружественные действия, считаются общеприменимыми постольку, поскольку лежат в основе правил ВТО, и *de jure* все государства — члены этой организации обязуются соблюдать правила, основанные на этих принципах.

Вместе с тем в Европе обнаруживаются и приверженцы теории протекционизма как определяющего вектора экономической политики. Современный сторонник протекционизма, норвежский экономист Эрик Райнерт (1949 г.р.), придерживающийся антиглобалистских и даже изоляционистских взглядов, рекомендует развивающимся государствам опираться прежде всего на собственный промышленный потенциал, защищать его от внешней конкуренции с помощью протекционистских мер и выступает за централизованное управление экономическими процессами в целях защиты национальных интересов. Райнерт как исследователь специализируется на экономической истории, он — безусловный протагонист

государственного суверенитета в экономике и дирижизма. Наибольших успехов, согласно Райнерту, удавалось добиться там и тогда, где и когда государство не просто сотрудничает с бизнесом, а занимает командные высоты и «сознательно делает выгодными инновации». Правильным пониманием значимости инноваций и индустриализации руководствовались, по мнению Райнерта, «и Генри Форд, и Сталин, и авторы “плана Маршалла”, и японские стратеги бизнеса, и европейские социал-демократы» [Райнерт, 2009. С. 6].

Концепция Райнерта, которой он дал название «Другой Канон», суть нечто прямо противоположное «классике» Смита и Риккардо и, разумеется, современным неолиберальным учениям [Цедиллин, 2013. С. 43]. Экономика, полагает Райнерт, не всегда развивалась «по Смиуту» и не всегда была неоклассической. Более того, «одним из первых современных экономистов», по его мнению, следует считать меркантилиста Антонио Серра, предложившего в 1613 г. собственную теорию хозяйственного развития. А. Серра отличает, в частности, особый акцент на роли правителя в регулировании экономических процессов. Соответствующий вывод Серра сводится к тому, что политика правителя при надлежащем её направлении является величайшим из всех средств и, по сути, содержит в себе все другие средства.

Трансформирующимся странам, считает Райнерт, соответственно, не следует полагаться на правильность идей Риккардо, поскольку это равносильно возврату к «колониальной практике». Тем более, им не следовало бы ориентироваться на «неолиберальный Вашингтонский консенсус». Говоря о бывших социалистических странах, часто следовавших его рецептам, Райнерт отмечает, что такая политика приводит к обвальному крушению торговых барьеров, в результате чего бывшие прежде индустриальными страны потеряли свое «технологическое преимущество» Как следствие, «происходит примитивизация экономики с возвратом к изначальным “преимуществам” сырья и дешёвой рабочей силы, захлебывается догоняющее развитие». И тогда уже «богатые страны богатеют, но бедные их вовсе не догоняют» [Райнерт, 2009. С. 7].

Идеи Райнерта встретили в России очевидную поддержку, он нашёл немало сторонников и в академической среде. Возможно, это связано также с его пониманием экономики как науки. Во введении к переведённой на русский язык книге Райнерт пишет: «Эта книга возрождает традицию, согласно которой экономика не только не является точной наукой, но и никогда не сможет ею стать» [Райнерт, 2010. С.3]. В целом, применительно к теме данной работы, можно заключить, что идеи Другого Канона вполне могут считаться одной из нормативно-теоретических основ ЭС.

Наднациональный экономический суверенитет Европейского Союза

Становление наднационального суверенитета в рамках евроинтеграции описано и проанализировано в исследовательской литературе, в том числе в трудах российских авторов. Так, специалист по тематике суверенитета в ЕС и суверенитета самого союза Т. Романова в одной из своих работ даёт ёмкий, краткий и содержательный обзор со ссылкой на источники основных положений и трактовок касательно национального и наднационального компонентов в европейском дискурсе о суверенитете. В этом обзоре особый интерес вызывают следующие положения, подкреплённые отсылками к первоисточникам: изначально, ещё с XIX в., под суверенитетом в дискуссиях в Европе подразумевалось, в первую очередь, невмешательство в дела других государств [Романова, 2021. С. 33–34]. С переходом к евроинтеграции тема суверенитета, считает Романова, естественно, стала одной из наиболее актуальных и дискуссионных. Неофункционалисты трактовали происходящие в Европе процессы как слияние государственных суверенитетов; в то же время страны договаривались об использовании части своего суверенитета с привлечением в новых условиях и наднациональных институтов. Были и сторонники частичного отказа от национального

суверенитета в рамках интеграции, но при этом предполагалось право страны на осуществление полного национального суверенитета в вопросах «высокой» политики. В ряде исследований наднациональная структура объединённой Европы рассматривалась как система, не предполагающая наличие собственного суверенитета. Согласно другой точке зрения, национальный суверенитет рассматривался как дезинтегрирующая категория, представляющая опасность для новой Европы.

Отдельные исследователи определяют происходящие в ЕС процессы как оформление «плюралистического» суверенитета, предполагающего наделение суверенитетом и Союза в целом, и отдельных его членов. В текущем десятилетии была предложена (и постепенно оформляется) «посттрадиционная» концепция суверенитета, предполагающая укрепление наднационального суверенитета собственно ЕС. Например, в интервью *Financial Times* в мае 2023 г., как цитирует РИА «Новости», Президент Франции Э. Макрон, по сути, представил доктрину по укреплению производственного и экономического суверенитета Европы. Он говорил о возврате контроля над цепочками поставок, над энергетикой и инновациями, о необходимости промышленной политики в европейском масштабе: «Нам необходимо вернуть контроль над цепочками поставок, энергетикой и инновациями, нам нужно больше заводов и меньше зависимости. Нашим девизом должно стать “сделано в Европе”. У нас нет выбора, потому как от нашего суверенитета зависит сила наших демократий»¹.

К изложенному выше можно, видимо, добавить оценку отношения собственно бизнеса к «модернизации» суверенитета. Она сводится к тому, что процессы укрепления европейского суверенитета, получающие в значительной части институциональное оформление, в целом не встречали сопротивления со стороны предпринимательских кругов. Вероятно, это происходит потому, что идущие трансформации до недавнего времени не только не ограничивали суверенитет собственно бизнеса — национального и транснационального, — но даже в целом способствовали его укреплению.

Новые вызовы, обусловленные нередко кардинальными поворотами в развитии мировых событий, привнесли качественно новые темы и решения в европейский дискурс об экономическом суверенитете. Гармония интересов Союза и отдельных его членов, а также интересов бизнеса и наднациональных властей оказалась под угрозой разрушения. Ресурсный кризис, связанный с «энергетическим переходом», ограничения, вызванные пандемией ковида и, наконец, открытый военный конфликт на Украине привели к появлению новой повестки в дискуссии о суверенитете. Речь идёт, по существу, о свёртывании отношений, базирующихся на глобальной взаимозависимости, и о провозглашении курса на автономизацию. Констатируется окончательное «банкротство экономической сетевой парадигмы, функционировавшей в течение трёх десятилетий, но теперь достигшей своего предела» [*Herles*, 2022].

Применительно к России провозглашённый курс на «стратегическую автономизацию» ЕС означал введение санкций и сведение к минимуму поставок российских энергоносителей. Уже 25 февраля 2022 г. была принята совместная декларация Совета министров ЕС, Европейской комиссии и Европейского Банка, в которой говорилось о готовности к совместным санкциям и укреплению «стратегической автономии». Спустя год Э. Макрон, как было отмечено выше, представил обновлённую доктрину экономического суверенитета Евросоюза с учётом новых вызовов.

В целом можно, видимо, говорить о существенной трансформации в понимании категории наднационального европейского экономического суверенитета. Конструкция его становится определённо более жёсткой, ключевыми направлениями трансформации становятся курс на «стратегическую автономию», избавление от прежних «опасных» зави-

¹ Макрон предложил пути воссоздания экономического суверенитета ЕС // РИА Новости. 12.05.2023. <https://ria.ru/20230512/evrosoyuz-1871281697.html> (дата обращения 12.02.2024).

симостей и недопущение возникновения новых. «Суверенитет в большей степени сигнализирует о конфликтном начале: он чаще употребляется в сочетании с рисками и вызовами (от военных до эпидемиологических), как оппозиция национальному “суверенизму”, а также как способ преодоления зависимости» [Романова, Коцур, Мазаник, Трещеников, 2023. С. 5].

Российская концепция экономического суверенитета

Экономический суверенитет в российских официальных документах и в специальной литературе понимается, воспринимается и интерпретируется в общем и целом иначе, чем в Европе. Для Европы (ЕС) характерно «инструментальное использование суверенитета» [Романова, Коцур, Мазаник, Трещеников, 2023. С.1], т.е. ЭС воспринимается как средство, инструмент внешней и внутренней экономической политики Евросоюза в целях обеспечения и продвижения экономико-политических интересов Союза в целом и отдельных его членов. В России же, можно сказать, традиционно ЭС понимается как самостоятельная целевая функция. В концептуальном правовом документе «Стратегия экономической безопасности» обеспечение ЭС РФ понимается прежде всего как обеспечение экономического суверенитета собственно Российской Федерации, её независимости от внешнего давления, а собственно «экономический суверенитет» определяется как «объективно существующая независимость государства в проведении внутренней и внешней экономической политики с учётом международных обязательств»².

Суверенитет как конституирующая категория и на официальном уровне, и в исследованиях по соответствующей теме в России традиционно относится к числу высших приоритетов. Такое отношение к суверенитету укоренилось ещё в советский период и находило своё проявление и в теории, и на практике. Так, в 1947 г. СССР отказался участвовать в программе восстановления экономики по плану Маршалла, поскольку присоединение к программе, на которую дали согласие 16 государств, по мнению советского руководства, противоречило суверенитету страны. Считалось, что присоединение к плану угрожало прежде всего экономическим основам социалистического строя и привело бы к опасной экономической зависимости от США³.

На протяжении всего советского периода ЭС понимался исключительно как суверенитет государственный, поскольку никакой иной собственности, кроме коллективной, в стране не было. А в сфере производственных и внешнеэкономических связей отношения вне государственного контроля не допускались. Государство выступало доминирующим коллективным собственником, к тому же оно распространяло свою монополию на всю внешнюю торговлю и на валютные операции. Трансформационные постсоциалистические преобразования экономической системы 1990-х гг., в том числе в сфере собственности, существенно изменили экономическую реальность. Появились и частные собственники, в том числе и крупные. Однако и в значительной части теоретических построений, и в принимаемых нормативно-правовых документах отношение к государству как к единственному носителю ЭС остаётся прежним.

«Монистическая» концепция ЭС, при которой государство пребывает в роли единственного его субъекта, неоднократно подвергалась с начала 1990-х гг. испытаниям на прочность. Это связано, в первую очередь, с открытием экономики страны и неизбежным вовлечением её в глобализационные процессы. Российские авторы, как отмечалось выше,

² Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. №208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». ГАРАНТ. <https://base.garant.ru/71672608/#friends> (дата обращения 17.12.2023).

³ План Маршалла. Почему Москва его отвергла? РИА Новости. 26.05.2021. <https://ria.ru/20070605/66676583.html> (дата обращения 17.12.2023).

указывают на риски эрозии государственного экономического суверенитета. Угрозы национальному экономическому суверенитету возникают в связи с процессами глобализации в сфере экономики, они обусловлены, в частности, вступлением страны в ВТО, хранением значительной части государственных резервов в финансовых инструментах других государств, в технологической зависимости, в том числе от зарубежных стандартов и комплектующих, от импорта критически значимой продукции и т.д. [Болдырев, 2021]. Указывается на опасности зависимости от иностранной помощи, поступающей от международных финансовых организаций (банков), чреватой лишением контроля над национальной экономикой, от следования теориям, превышающим суверенитет («права человека», «экономической интеграции»). В связи с этим предлагается переосмыслить понимание суверенитета как ответственности за внутренние функции и внешние обязательства государства в экономической сфере [Лещенко, 2018].

С началом СВО и резкого ужесточения со стороны Запада политики санкций российская концепция ЭС (которая, надо сказать, до сего времени не получила завершённого нормативного оформления) не претерпела радикальной трансформации, но была дополнена рядом важных «конструкционных» элементов. Главным направлением происходящих изменений в сфере концептуализации ЭС в России можно считать требование обеспечения экономической независимости в ключевых стратегических областях. Первостепенное значение при этом приобретают приоритеты политического характера, предопределяющие деление всех стран-контрагентов во внешнеэкономической сфере на дружественные и недружественные. Развитие экономических отношений с компаниями из второй группы стран становится определённо неприоритетным и даже нежелательным по причине рисков усиления зависимости. В то же время требованиям укрепления ЭС отвечает ориентация на всестороннее сотрудничество с партнёрами из группы дружественных стран — «разворот на Восток». Соображения чисто коммерческой выгоды оттесняются на второй план, если вообще принимаются во внимание: *de facto* сырьё и энергоносители продаются в дружественные страны, как правило, с дисконтом, а получение готовой продукции по импорту из этих стран в большинстве случаев обходится дороже, в том числе из-за снижения уровня конкуренции на российском рынке. Соответственно политически обусловленной переориентации торговых потоков происходят и изменения в системе расчётов. Недружественным европейским странам предлагается оплачивать импортные поставки энергоносителей в рублях, что несомненно усложняет сами расчёты, но не предполагает получение дополнительной прибыли для экспортёра. В отношениях с дружественными странами внедряются расчёты в национальных валютах в целях сокращения доли так называемых свободно конвертируемых валют недружественных стран — доллара и евро.

Напомню, что в советской экономической истории был период, который с определёнными оговорками можно назвать прообразом возникающей в настоящее время системы внешнеэкономических отношений. Речь идёт об экономическом содружестве социалистических государств и его главной несущей конструкции — Совете Экономической Взаимопомощи. Торговля и производственная кооперация с братскими, как их тогда называли, социалистическими странами Восточной Европы и отдельными азиатскими странами, воспринявшими советскую модель социализма, имели для Советского Союза безусловный приоритет: на них приходилось до трёх четвертей совокупного внешнеторгового оборота СССР. Взаимные расчёты осуществлялись на основе клиринга, т.е. зачёта обязательств, с использованием расчётной единицы — переводного рубля. Просуществовала эта система достаточно долго — с конца сороковых до начала девяностых годов прошлого столетия. С отказом от социалистической системы хозяйствования, основанной на директивном планировании и государственной монополии на внешнюю торговлю (если говорить о внешнеэкономическом блоке), экономический союз государств, который базировался на чисто политической системе интересов групп власти однотипной политической ори-

ентации прекратил своё существование. Характерно, что экономическими итогами этой социалистической интеграции в конечном счёте остались недовольны все страны-участницы. Каждая из них после распада СЭВ подсчитывала свою недополученную прибыль вследствие подчинённости экономических интересов политическим. В настоящее время, видимо, было бы целесообразным учитывать уроки создания экономических союзов и вообще ориентации международных экономических отношений на основе скорее политических предпочтений, чем экономической взаимовыгодности.

Технологический суверенитет: экономическая составляющая

Как отмечалось выше, в официально утверждённой в 2017 г. «Стратегии экономической безопасности РФ до 2030 г.» ЭС определяется как базовый элемент всей конструкции системы экономической безопасности. При этом связанный с ним термин «технологический суверенитет» не используется. Однако к основным вызовам и угрозам экономической безопасности в Стратегии отнесены «отставание в области разработки и внедрения новых и перспективных технологий (в том числе технологий цифровой экономики), недостаточный уровень квалификации и ключевых компетенций отечественных специалистов» (раздел II, п. 12, пп. 12). К настоящему времени не в последнюю очередь под влиянием изменений в политико-стратегической и внешнеэкономической ситуации обеспечение суверенитета в технологической сфере приобретает первостепенную значимость; он становится одним из приоритетных направлений структурной адаптации экономики к новым вызовам. В соответствии с Постановлением Правительства от 15 апреля 2023 г. № 603⁴ обеспечение технологического суверенитета выходит на первое место в повестке национального развития. И эта приоритетность обеспечения технологического суверенитета проявляется и в отношении к экономической политике ЕС.

Следует при этом отметить, что у целого ряда авторов переплетаются «сюжеты», имеющие отношение к обеспечению и экономического, и технологического суверенитетов. У некоторых экспертов под этими терминами подразумевается нечто практически идентичное. Так, немецкий автор Бенедикт Херлес в публицистической статье «Где начинается наш суверенитет», отмечает: «Энергоснабжение — это одна из важнейших областей деятельности, а технологии — другая. Мы зависим от аккумуляторных батарей Дальнего Востока, облачных систем США и тайваньских компьютерных чипов». Автор при этом полагает, что всё же «свободная торговля остаётся основным элементом открытого общества с рыночной экономикой. Не каждая цепочка создания стоимости должна быть “европеизирована”. Тупой протекционизм — это не решение» [Herles, 2022]. Рассмотрение технологического и экономического суверенитета в едином смысловом контексте представляется, на мой взгляд, допустимым в силу того, что и высокотехнологичные продукты, и сами передовые технологии являются таким же товаром в мировой торговле, как и те же энергоносители, и на технологический трансферт также распространяется сфера рыночных отношений. Российский экономист-международник С.А. Афонцев считает даже, что если для анализа феномена ЭС прочный теоретический базис отсутствует, то с развитием теоретических основ изучения технологического суверенитета связаны наибольшие в настоящее время надежды [Афонцев, 2020]. О теоретическом фундаменте ЭС сказано выше, что же касается концептуальных теоретических обоснований технологического суверенитета и собственно смыслового наполнения данного термина, то эта тема определённо заслуживают самостоятельного исследования.

⁴ Правительство определило приоритетные направления проектов технологического суверенитета и структурной адаптации экономики России. Правительство России. 17.03.2023. <http://government.ru/docs/48272/> (дата обращения 12.03.2024).

Заключение

В теоретическом политико-экономическом дискурсе по поводу ЭС высказываются самые разные точки зрения и оценки релевантности самой проблематики вплоть до диаметрально противоположных. Позиции авторов по данному вопросу, как мне представляется, предопределяются их общим отношением к процессам глобализации, к протекционизму и свободе торговли. В реальной экономической политике далеко не всех стран одинаково акцентируются требования соблюдения государственного экономического суверенитета. Однако в России, начиная примерно с 2010-х гг. (а до того на протяжении всей истории СССР), не в последнюю очередь под влиянием политических изменений вопросы ЭС выступают на передний план.

В то же время тема ЭС практически всегда была актуальной и для многих стран континентальной Европы. Во всяком случае, она всегда присутствовала в повестке евроинтеграции, а делегирование национальных суверенитетов наднациональным органам привело к формированию наднационального суверенитета в рамках ЕС. Фактически концепция государственного экономического суверенитета РФ и доктрина наднационального суверенитета ЕС претерпевают одинаковые по своей направленности изменения: принципиальное значение придаётся обеспечению стратегической независимости, всё большее значение приобретают меры воздействия на вчерашних партнёров, превратившихся в противников, сама конструкция экономического суверенитета становится всё более жёсткой.

Однонаправленные перемены в позициях сторон, однако, в данном случае не способствуют их сближению и согласию. Очевидно, консенсус возможен лишь на основе устранения причин — чисто политического свойства, — провоцирующих экономическое разобщение. А концепция ЭС уже в новых условиях по сути своей останется инструментом, адаптирующимся к требованиям реальной политики.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Афонцев С.А. (2020). Концептуальные основы анализа национальной и международной экономической безопасности [Afontsev S.A. (2020). Conceptual framework for the analysis of national and international economic security] // *На страже экономики*. № 2. С. 27–47. DOI: 10.36511/2588-0071-2020-2-27-47.
- Болдырев О.Ю. (2021). Экономический суверенитет государства и конституционно-правовые механизмы его защиты [Boldyrev O.Y. (2021). Economic sovereignty of the state and constitutional and legal mechanisms of its protection] — М.: Проспект.
- Болдырев О.Ю., Чихладзе Л.Т. (2022). Экономический суверенитет государства: ценность вызовы, правовые механизмы защиты [Boldyrev O.Yu., Chikhladze L.T. (2022). Economic sovereignty of the state: value challenges, legal mechanisms of protection] // *Антиномии*. 2022. Т. 22. Вып. 3. С. 110–127.
- Гребнев Л.С. (1996). Суверенитет в экономике [Grebnev L.S. (1996). Sovereignty in the economy]. — М.: ГУ-ВШЭ, 1996. URL: <https://publications.hse.ru/books/90007003>.
- Лещенко Ю.Г. (2018). Экономический суверенитет в XXI веке: к вопросу о внешнеэкономической безопасности России в условиях членства в международных финансово-экономических организациях. [Leshchenko Yu.G. (2018). Economic Sovereignty in the XXI century: on the issue of Russia's Foreign Economic Security in terms of membership in international financial and economic organizations] // *Российское предпринимательство*. Т. 19. №12. С. 3637–3650.
- Лист Ф. (2005). Национальная система политической экономики [List F. (2005). The National system of political economy]. — М.: Издательство «Европа».
- Пороховский А.А. (2023). Экономический суверенитет России: проблемы становления и обеспечения. [Porokhovskiy A.A. (2023). Economic sovereignty of Russia: problems of formation and provision] // *Экономическое возрождение России*. №3. С. 10–15.
- Райнерт Э. (2009). Забытые уроки прошлых успехов [Reinert E. (2009). Forgotten lessons of past successes, "Expert". No. 1 (687). December 28, 2009] // *Эксперт*. №1 (687).
- Райнерт Э. (2010). Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными [Reinert E. (2010). How rich countries became rich and why poor countries remain poor]. — М.: ГУ ВШЭ.
- Романова Т. (2021). Дискурс о суверенитете Европейского Союза: содержание и последствия. [Romanova T. (2021). The discourse on the sovereignty of the European Union: content and consequences] // *Современная Европа*. №5. С. 32–44.

- Романова Т., Коцур Е., Мазаник С., Трещенков Е. (2023). *Стратегический суверенитет Евросоюза и интересы России. От теории к политическим рекомендациям: Аналитическая записка / Российский совет по международным делам.* [Romanova T., Kotsur E., Mazanik S., Treshchenkov E. (2023). The strategic sovereignty of the European Union" and the interests of Russia. From theory to political recommendations. The Russian Council for International Affairs. Analytical note]. <https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-EU-Sovereignty-PolicyBrief49.pdf> (дата обращения 12.02.2024).
- Сапир Ж. (2020). Основы экономического суверенитета и вопрос о формах его реализации [Sapir J. (2020). The foundations of economic sovereignty and the question of the forms of its implementation] // *Вопросы прогнозирования.* №2. С. 3–9.
- Цедилин Л.И. (2013). *Протекционизм в российской экономической политике* [Tsedilin L. I. (2013). Protectionism in Russian Economic Policy]. — М.: ИЭ РАН.
- Цедилин Л.И. (2014). Промышленная политика по Фридриху Листу [Tsedilin L.I. (2014). Industrial policy according to Friedrich List] // *Вестник Института экономики РАН.* № 6. С. 102–110.
- Цвайнерт Й. (2007). *История экономической мысли в России, 1805–1905.* [Zweinert J. (2007). The History of Economic Thought in Russia, 1805-1905]. — М.: ГУ ВШЭ.
- Bodin J. (1986). *Les six livres de la République.* Livre I. — Paris: Arthème Fayard.
- Boudreaux D. J. (2011). Do Subsidies Justify Retaliatory of Protectionism? // *Economic Affairs.* Vol. 32. Is. 3. Pp. 4–6.
- Herles B. (2022). Wo beginnt unsere ökonomische Souveränität? // *Capital.de.* 14.03.2022. <https://www.capital.de/wirtschaft-politik/wo-beginnt-unsere-oekonomische-souveraenitaet--31699182.html>. (дата обращения 12.02.2024).

Цедилин Леонид Иванович

lcedilin@yandex.ru

Leonid Tsedilin

Ph.D. (Economics), Leading Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences.

lcedilin@yandex.ru

ECONOMIC SOVEREIGNTY: UNDERSTANDING AND JUSTIFICATION IN ACCORDANCE WITH NEW REALITIES

Abstract. The article explores various points on the problem of economic sovereignty with an emphasis on the problem of determining the carrier (subject) of the ES. The theoretical foundations of ES are analyzed from the standpoint of various theoretical schools and directions. Changes in the interpretation of the state economic sovereignty of Russia and the supranational sovereignty of the EU are considered. The political predetermination of the ongoing processes of sovereignization in the foreign economic policy of Russia and the EU is stated.

Keywords: *economic sovereignty, foreign economic policy, strategic independence, economic security, protectionism, strategic autonomy, technological sovereignty.*

JEL: B41, F52, F53, F63.